

няли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни «русской идеи» ярче, чем когда бы то ни было до сих пор... Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на все, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В «Дневнике» моем есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это».

Почитательницей его таланта была и супруга наследника Мария Федоровна. Писателю довелось с ней встретиться трижды. В мае 1880-го (вторая встреча) в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича состоялся творческий вечер. «Ф[едор] М[ихайлович] читал из «Карамзовых», — писал на следующий день хозяин дворца в своем дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упробил Ф[едора] М[ихайловича] прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел «Мальчик у Христа на елке». Елена (Шереметева, внучка Николая I. — «Свой») плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У цесаревны глаза тоже подернулись влагой». На следующий день Константин Константинович оставил в дневнике еще одну запись: «Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер».

О впечатлении, которое произвела на Достоевского Мария Федоровна, он сообщил жене в конце мая 1880 года: «Я рассказал Каткову о знакомстве моем с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражен, совсем лицо изменилось». Впоследствии в своих воспоминаниях супруга писателя отмечала: «Теперь пришел его черед восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой

и доброй, с присущим ей даром нравиться людям».

О встрече с Достоевским Мария Федоровна подробно рассказывала мужу, который уже давно намеревался очно познакомиться с Федором Михайловичем. Их встреча в присутствии цесаревны состоялась в декабре 1880 года в Аничковом дворце.

Дочь классика Любовь Федоровна на сей счет вспоминала:

«Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожидавшими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу. Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной... Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своем обширном государстве он нашел менее податливый, чем у других, хребет».

О том, что цесаревич и цесаревна являлись его почитателями, Федору Михайловичу было известно еще в начале 1870-х (в одном из тогдашних писем жене он прямо указывал на это). Александр III дей-

ствительно очень хорошо знал и любил его произведения.

После похорон писателя Победоносцев обратился к Александру Александрович с такими словами: «Вы знали и ценили покойного Достоевского по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к Отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающие как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его».

Цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря, и положительно никто его не заменит». На погребение писателя была выделена большая сумма, вдове и детям назначили пенсию в две тысячи рублей, у церковных властей получили разрешение похоронить его в Александро-Невской лавре.

Во время открытия в Москве Исторического музея (1883) российский император и Мария Федоровна посетили зал с мемориальной экспозицией, посвященной великому писателю, как вспоминал историк Иван Забелин, «пошли в комнату Достоевского. Здесь Государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично».

По словам Дмитрия Менделеева, Александр III «провидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников». В этом, надо полагать, была заслуга и нашего величайшего писателя, оказавшего существенное влияние на мировоззрение царя-мироотворца, на его выбор исторического пути развития России.